

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

«Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Пинчук Ольга Владимировна

***Особенности методологии наблюдающего участия в
этнографических исследованиях труда и рабочего места***

РЕЗЮМЕ ДИССЕРТАЦИИ

на соискание ученой степени кандидата социологических наук

Научный руководитель:

PhD in Anthropology

Ссорин-Чайков Н. В.

Москва – 2025

Актуальность темы исследования

Этнографическое исследование – один из ключевых подходов в социальных науках. Его методология и методика позволяют исследователям максимально приблизиться к миру информантов – их опыту и смыслам, – детально описывать и понимать нормы, ситуации и процессы, и отслеживать изнутри причинно-следственные связи [Hammersley, 2018, p. 2]. Сегодня «этнографическое исследование» стало достаточно общим понятием и размытой с точки зрения процедур и принципов исследовательской практикой [Ingold, 2014]. Об этом свидетельствует значительное количество публикаций, посвящённых уточнению методологии этнографического подхода [Atkinson, Hammersley, 1998], дискуссиям о научном статусе и познавательном потенциале этнографического исследования [Becker, 1958; Deener, 2018], о семантике и генезисе понятий [Gold, 1957; Seim, 2021], об особенностях этнографического описания и текста [Clifford, 1983; Rabinow, 1985; Gullion, 2021]. С одной стороны, этнографическое исследование стало достаточно популярным подходом [Ingold, 2014, p. 384], с другой, – его методология и практика применения варьируются в зависимости от предметной области, теоретических предпочтений, целей и задач исследователя.

В социологии нередко этнографическое исследование определяется как один из подходов в рамках качественной методологии [Atkinson, Hammersley, 2007; Campbell, Lassiter, 2014]. Авторы соглашаются, что, в первую очередь, речь идет о наблюдении *in situ* [Charoulie, 1987], или «включенном наблюдении», когда исследователь проводит полевую работу в «естественных условиях» и регистрирует происходящее. Ключевым отличием включенного наблюдения от других как качественных, так и количественных методов сегодня считается именно погружение исследователя в мир информантов и участие в нем. Однако на практике степень и погружения, и участия достаточно сложно определяется, следствием этого становится большое количество разнообразных исследовательских практик, объединенных под одним названием – «включенное наблюдение».

Этнографический подход активно применяется в организационных исследованиях, в исследованиях труда и рабочего места. Однако общей проблемой в данном контексте становится тот факт, что исследователи в своих академических текстах не всегда конкретизируют, *как именно* они проводили наблюдение: был ли доступ к рабочему месту; если да, то какой; как и в каком контексте проходило наблюдение; как часто и как долго; какие возможности в процессе наблюдения были у исследователя и т.д. Несмотря на то, что в данной предметной области также возможны различные практики применения наблюдения *in situ*, полное *погружение* и *участие* возможно только в том

случае, когда исследователь сам становится участником изучаемого организационного контекста или рабочего места – то есть начинает там *работать*, становится частью рабочего коллектива. В исследовательской литературе последних лет такой метод сбора данных все чаще называется «наблюдающим участием» – вместо «включенного наблюдения» [Seim, 2021; Tedlock, 1991; Moeran, 2009], что в большей степени определяет позицию исследователя в поле, и в меньшей – методологические основания такой позиции. Данное диссертационное исследование исходит из предположения, что наблюдающее участие – это отдельный вид методологии и исследовательской практики, позволяющий подвергнуть анализу не только наблюдаемую социальную реальность, но и опыт исследователя как участника этой социальной реальности.

В отечественной социологии этнографическое исследование труда и/или рабочего места понимается и определяется по-разному. С точки зрения методов в основном используются метод интервью, реже – краткосрочное включенное наблюдение (см., напр., [Абрамов, 2012]). Описанные выше общие проблемы, связанные с использованием этнографического подхода, во многом, свойственны и работам отечественных исследователей. К этому можно добавить отсутствие системного характера в применении этнографического подхода в исследованиях труда и рабочего места, что не позволяет проработать методологию и методику таких исследований. Анализ существующих принципов, процедур и практик этнографического исследования труда и рабочего места, в том числе в отечественной социологии, позволил выявить теоретический и методологический потенциал этнографии, что способствует совершенствованию методических средств для емкого описания и анализа отношений и процессов на рабочем месте.

Степень разработанности проблемы

Работы П. Аткинсона и М. Хаммерсли [Atkinson, Hammersley, 2007; Hammersley, 2013], Н. К. Дензина [Denzin, 1997], Э. Кэмпбелла и Л. Ласситера [Campbell, Lassiter, 2014], Д. М. Феттермана [Fetterman, 2019], Г. Гобо [Gobo, 2008] и др. внесли существенный вклад в систематизацию исследовательского опыта, а также в определение понятий и практик, связанных с этнографическим подходом. В социологии нередко этнография определяется как один из подходов в рамках качественной методологии, и ей сопутствует более широкое поле качественных методов [Atkinson, Hammersley, 2007; Campbell, Lassiter, 2014]. Авторы соглашаются,

что в первую очередь речь идет о наблюдении в «естественных» для информантов условиях с фиксацией в полевых дневниках наблюдений исследователя.

Акцент на текстуальности этнографии был отмечен К. Гирцем [Гирц, 2004], подчеркнувшим, что этнограф записывает социальный дискурс, «превращая его из события, существующего только в тот момент, когда оно происходит, в отчет, который существует в письменной форме и к которому можно вернуться вновь» [Рубел, Чегринец, 1998, с. 89]. С конца 1970-х гг. в антропологии начинаются дискуссии о риторике и политике этнографического исследования и текста. Одним из ключевых событий в этом контексте можно считать выход в 1986 г. работы Дж. Клиффорда и Дж. Маркуса «Writing Culture» [Clifford, Marcus, 1986]. Исследователи начинают рефлексировать как свои отношения с информантами, так и способ написания этнографического текста. Ставится под сомнение привычные прежде формы письма с претензией на объективное описание. В результате процесс исследовательского предприятия становится более открытым, в этнографических монографиях появляется рефлексия над тем, как происходила полевая работа и как в ее результате создавались тексты [Atkinson, 1992;]. Безусловно, «рефлексивность» в антропологии может принимать разные формы – в целом, речь идет о рефлексии в отношении методологии, процесса письма, полевой работы, позиции и роли исследователя.

Рефлексивная позиция исследователя – одна из важных тем в работах П. Бурдьё [Бурдьё, 2002], который предлагает свой проект *рефлексивной социологии*. В основе этого проекта лежит «включенная объективация» (*participant objectivation*). В данном случае объектом исследования становится «субъект объективации или, точнее говоря, то воздействие, которое оказывает на знание объективирующая поза, то есть то изменение, которое происходит с вашим опытом социального мира» [Бурдьё, 2011: 32]. Исследователь может и должен обращаться к своему знанию о социальном мире, но только подвергая его строгому критическому рассмотрению. С. Ванкатеш, говоря о рефлексивной социологии, постулирует критическую важность повествования «от первого лица», когда «ученые обращаются к себе, чтобы открыть истины не только о своем собственном опыте, но и об окружающем мире» [Venkatesh, 2013]. При этом повествование «от первого лица» на практике может принимать различные формы. Ключевой особенностью здесь становится «рефлексия как инструмент социологов», например, в понимании ограничений исследования и совершенствовании техник сбора данных [Ibid, p. 5].

Следует отметить, что интерес социальных ученых к исследованию труда имеет давнюю историю. Исследователи обращали внимание на разные аспекты труда и

использовали различные исследовательские подходы. В их числе есть и работы, которые можно охарактеризовать как этнографические (описания и анализ повседневных трудовых практик, рабочих мест, отношений и процессов). Этнография труда и рабочего места (ЭТРМ¹) получает свое развитие благодаря работам Д. Роя [Roy, 1959], Х. Бейнона [Beynon, 1973], Дж. Диттона [Ditton, 1977], Г. Эпплбаума [Applebaum, 1981], А. Поллерт [Pollert, 1981], М. Буравого [Burawoy, 1982], М. Глюксманн [Cavendish², 1982], Д. Коллинсона [Collinson, 1992] и др. В большинстве перечисленных текстов отдельные разделы посвящены процессу полевой работы: поднимаются вопросы о доступе к полю, об отношениях с информантами, о сложностях таких исследований, об этических дилеммах, о последствиях авторских публикаций³.

Некоторые исследователи считают, что этнография труда и рабочего места (ЭТРМ) была на пике своей популярности в 1970–1980-е гг., но впоследствии стала скорее маргинальным исследовательским подходом [Frege, 2005; Whitfield, Strauss, 2000]. Несмотря на это, данное исследовательское направление имеет богатую историю [Zickar, Carter, 2010]: публикаций на английском языке, в которых обосновывается методология ЭТРМ и описываются практики, стоящие за ней, достаточно много.

Как правило, под ЭТРМ понимают исследовательские практики и/или исследовательские тексты, соответствующие, как минимум, двум требованиям. Во-первых, работа должна быть основана на длительном погружении исследователя в полевую работу (наблюдение *in site* [Chapoulie, 1987]), – в среднем, от шести до двенадцати месяцев [Smith 2001, p. 226]. Во-вторых, такая полевая работа предполагает принятие на себя роли близкой к той, которую занимают информанты (например, заводского рабочего [Halle, 1984; Burawoy, Lukás, 1992], сборщицы клубники [Wells, 1996], техника скорой медицинской помощи [Seim, 2021] и т.п.). В свою очередь «принятие на себя роли» все чаще определяется учеными как «наблюдающее участие» (*observant participation*) или «наблюдение за участием» (*observation of participation*) [Ibid]. В этом случае исследователь не только наблюдает за тем, что происходит вокруг,

---

¹ В ряде недавних работа такой подход называется *Workplace and Organizational Ethnography* (WOE) [Sebastian, 2022]. В лексиконе русского языка достаточно сложно найти подходящие для перевода термины, которые сохранили бы лаконичность и благозвучность оригинала. Поэтому в данной работе будет использоваться сокращение ЭТРМ, обобщающее два наиболее используемых в англоязычной литературе, относительно к предмету исследования, термина – *ethnography of work* и *workplace ethnography*.

² Первая монография Мариам Глюксманн, вышедшая под псевдонимом.

³ Например, М. Глюксманн, как было указано в предыдущей сноске, издавала первую монографию под псевдонимом, поскольку указание реального авторства могло бы привести к последствиям для ее коллег по фабрике. Однако, как она рассказывает в предисловии ко второму изданию, авторство все равно было раскрыто.

проводит время с информантами («*hanging around*»), но и сам становится действующим участником.

Как показывает Джош Сейм, говоря об изучении труда и рабочих мест, большинство известных нам исследований, которые принято считать этнографическими, можно постфактум определить как выполненные методом наблюдающего участия, так как исследователи в полевой работе погружались в среду и совершали действия в роли, близкой той, которую выполняют их информанты. Сейм говорит о том, что «наблюдающее участие приводит этнографа в социальные условия, доступ к которым в качестве включенного наблюдателя, по-видимому, затруднен» [Ibid, p. 5]. На примере собственного исследования – этнографии труда скорой медицинской помощи – Сейм показывает эффективность «гибридной этнографии», в которой последовательно используются оба метода: «включенное наблюдение», то есть встречи с информантами, поездки на вызовы, участие в совещаниях и пр., и «наблюдающее участие» – в случае Сейма, это кратковременная работа техником скорой помощи.

М. Буравой, наиболее известный этнограф рабочего места в отечественной социальной науке, разработал методологию «развернутого монографического исследования»⁴ (*the extended case method*), позволившую выйти за пределы единичного случая [Буравой, 1997]. Кроме этого, несколько работ М. Буравого посвящены этнографическому подходу как таковому. В одной из них он подчеркивает, что метод включенного наблюдения поднимает вопрос о диалоге между наблюдателем и наблюдаемым. Таким образом, «включенное наблюдение является парадигмой всей социальной науки, а не просто причудливой маргинальной техникой» [Burawoy, 1991, p. x].

Кроме очевидной познавательной ценности ЭТРМ как исследовательского подхода [Down, 2012], жанровая специфика текстов, которые публикуются в результате таких исследований, позволяет выходить на уровень теоретических обобщений при анализе набора таких работ («мета-анализ этнографических текстов», см. напр.: [Hodson, 2004; Edwards, Bélanger, 2008]).

В отечественной социологии метод «включенного наблюдения» стал известным во многом благодаря методическим пособиям В. А. Ядова и А. Г. Здравомыслова (напр., [Ядов, 1968, Здравомыслов, 1969]). Советские социологи определяли этот метод как

---

⁴ Буравой выделяет четыре принципа развернутого монографического исследования: «погружение в мир информанта, наблюдение, протяженное во времени и пространстве, расширение от микро к макро, расширение (углубление) теории» [Буравой, 1997, с. 162].

«прямую регистрацию событий очевидцем», опираясь на актуальные работы американских исследователей, и обозначали его второстепенную роль по отношению к опросным методам⁵ [Ядов, 1972, с. 112]. Несмотря на то, что примеры применения «включенного наблюдения» в советской социологии встречаются (один из первых – В. Ольшанского в начале 1960 гг.), они практически не описаны в публикациях социологов. Выделить на их фоне следует исследование А. Н. Алексева [Алексеев, 1997, 2003, 2005], анализу которого, в том числе, посвящена данная диссертационная работа.

Важными в контексте обращения к кейсу А. Н. Алексева являются публикации, посвящённые феномену советской социологии. Здесь стоит выделить работы А. Филиппова [Филиппов, 2014], А. Бикбова и С. Гавриленко [Бикбов, Гавриленко, 2002], М. Соколова [Соколов, 2011; Sokolov, 2020], Д. Куракина [Kurakin, 2017], Л. Титаренко и Е. Здравомысловой [Titarenko, Zdravomyslova, 2017], Д. Димке [Димке, 2012]. Исследований, посвященных непосредственно истории советской социологии *труда* на данный момент, существует не так много (напр., [Pattle, 2022])⁶, – этот вопрос чаще поднимается в более широком контексте. Также следует отметить работы В. В. Костюшева [Костюшев, 2017], Л. А. Козловой [Козлова, 2024], посвященные исследовательскому подходу А. Н. Алексева.

В 1990-х гг. благодаря работе зарубежных исследователей в России, таких как С. Кларк [Ashwin, Clarke, 2002], М. Буравой [Burawoy, Krotov, 1992], К. Клеман [Клеман, 2003; Clément, 1999], С. Ашвин [Ashwin, 1999], исследования труда и рабочего места продолжают развитие, в том числе с использованием метода «включенного наблюдения»: например, М. Буравой и К. Клеман работали на российских промышленных предприятиях. Под руководством С. Кларка разрабатывалась методология «кейс-стади» в исследованиях производственных отношений [Козина, Сережкина, 2015; Козина, 1997], в рамках которой исследователями наряду с другими методами применялось и «включенное наблюдение». Важным аспектом этих проектов (в которые в разное время были вовлечены известные сегодня российские социологи, такие как В. Ильин, И. Козина, П. Бизюков, В. Кабалина, И. Тартаковская, Е. Ярская-

---

⁵ «В целом же наблюдение, как правило, не является методом, которым социолог пользуется как основным источником информации: оно либо наводит на гипотезы и служит трамплином для использования более представительных методик, либо применяется на заключительной стадии массовых обследований для уточнения и интерпретации данных» [Ядов, 1972, с. 120].

⁶ Попытка критического анализа наследия заводской социологии была предпринята Р. Абрамовым в его статье «“Структурщики” и “заводские социологи”: к истории исследований социально-профессиональных групп в СССР в 1960-1980-е годы». Однако в этой работе автор в большей степени смотрит на советскую социологию через призму современной социологии занятий и профессий, обращаясь к первой как к «важному запасу знаний для современного социолога» [Абрамов, 2014].

Смирнова, П. Романов, С. Ярошенко и др. [Clarke, 1996]) было понимание качественных методов как строгих и систематических, что расходилось с доминирующими представлениями в отечественной социологии, где количественные методы определялись как «жесткие», а качественные, напротив, как «мягкие» [Ashwin, Yakubovich, 2023].

Таким образом, с 1990-х гг. в отечественной социологии начинается осмысление качественной методологии. Так, в работе И. Девятко 1998 г. рассматривается целый ряд качественных методов, озвучиваются как преимущества, так и недостатки «включенного наблюдения» [Девятко, 1998]. Работы А. Готлиб по методологии и исследовательской практике в социологии позволили сбалансировать отношения между количественными и качественными подходами [Готлиб, 2004]. В. Ильин предлагает рассматривать ситуацию исследования с использованием качественных методов как спектакль «под названием “интервью” или “нас пришли изучать”», где информанты «озабочены презентацией себя» [Ильин, 2006]. Е. Рождественская на примере интервью подробно рассматривает вопрос *качества* процесса сбора данных в качественной методологии [Рождественская, 2014].

Существенный вклад в развитие качественной методологии вообще и этнографического подхода в частности в рамках отечественной социологии внесли работы В. Воронкова, О. Бредниковой, Е. Чикадзе [Уйти, чтобы остаться..., 2009], Т. Шанина [Шанин, 1998], И. Штейнберга [Штейнберг, 2021], С. Белановского [Белановский, 1993] и др.

П. Романов и Е. Ярская-Смирнова внесли значимый вклад в описание этнографии как исследовательского подхода [Ярская-Смирнова, Романов, 1998, 2000, 2007]. Особое место в контексте моего диссертационного исследования занимает работа П. Романова, посвященная «социальной этнографии» в организационных исследованиях [Романов, 1997]. Работы И. Козиной [Козина, 1997] и Е. Полухиной [Полухина, 2013] также повлияли на мое внимание к исследовательской стратегии «кейс-стади», в особенности тексты, анализирующие производственные отношения [Козина, 1995; Козина, Сережкина, 2015]. Необходимо отметить работы Е. Полухиной, способствовавшие систематизации знания и практики в контексте этнографического исследования в отечественной социологии [Полухина, 2010], а также разработке инструментария этнографической фокус-группы [Полухина, 2012]. Отдельно отмечу еще нескольких авторов, работы которых частично определили оптику моего исследования. Так, проблематизация взаимодействия исследователя и информантов в социологических исследованиях с применением этнографического метода является важной частью

работы А. Филькиной [Филькина, 2009]. Стоит отметить тексты А. Стрельниковой, А. Ваньке и Е. Полухиной, в которых особое внимание уделено практике применения качественной методологии [Ваньке А. В., Полухина Е. В., Стрельникова, 2020], в том числе в изучении индустриальных районов [Стрельникова, Ваньке 2017; Полухина, Ваньке, 2019].

Вслед за В. А. Ядовым под методологией в данной работе я понимаю «совокупность исследовательских процедур, техники и методов, включая приемы сбора и обработки данных»⁷ [Ядов, 2000, с. 63]. В своей работе я предпринимаю теоретическое обоснование «наблюдающего участия» как отражения рефлексивной позиции исследователя, требующей не только активного участия, но объективации собственного опыта.

Объект исследования – методология этнографического исследования труда и рабочего места.

Предмет исследования – применение методологии наблюдающего участия в рамках этнографического исследования труда и рабочего места.

Цель диссертационного исследования – разработка и обоснование методологического подхода этнографического исследования рабочего места с применением метода наблюдающего участия.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Систематизация существующих принципов, процедур и практик этнографического исследования труда и рабочего места в зарубежной и отечественной социологии.

2. Предложение теоретического обоснования методологии «наблюдающего участия».

3. Разработка методического инструментария этнографического исследования труда и рабочего места (ЭТРМ).

4. Апробация указанного инструментария при помощи эмпирического исследования нескольких рабочих мест.

---

⁷ Согласно Ядову, «**метод** – основной способ сбора, обработки и анализа данных, **техника** – совокупность специальных приемов для эффективного использования того или иного метода, **методика** – совокупность технических приемов, связанных с данным методом, включая частные операции, их последовательность и взаимосвязь; **процедурой** обычно называют последовательность всех операций, общую систему действий и способов организации исследования» [Ядов, 2000, с. 63].

Теоретические основания исследования

Теоретическую основу исследования составляют подходы к этнографическому исследованию (и, в частности, в исследованиях труда и рабочего места), постулирующие переход к тому, что я имею в виду под «наблюдающим участием».

В качестве отправной точки я использовала подход, предложенный К. Гирцем: ориентацию на интерпретацию и значение в противовес позитивизму и дедукции [Гирц, 2004]. Этнографическое исследование должно приводить нас не к универсальным моделям, но, напротив, к «насыщенному описанию». В этом ключе можно говорить о «наблюдающем участии» как не только об изменении позиции исследователя в полевой работе (от *наблюдения* за происходящим к *участию*), но и как о рефлексивном подходе к исследованию социальной реальности. Здесь я опираюсь на работы Б. Тедлок, Дж. Маркуса и М. Фишера, а также Дж. Клиффорда.

Кроме этого, я ориентировалась на перцепцию эпистемологической разработки «рефлексивной социологии» П. Бурдьё в работах Л. Вакана, где ключевым основанием становится «объективация объективирующего субъекта» [Wacquant, 1989; Вакан, 2014]. Опыт исследователя в этом подходе становится не ограничением, но инструментом исследования социальной реальность (Л. Вакан). Эта идея находит отражение в различных этнографических исследованиях; применима она и при изучении рабочих мест, поскольку (особенно когда мы говорим о ручном труде) исследователь в роли рабочего ощущает на себе влияние социальной среды – в том числе на телесном уровне.

Описание методологического подхода

Диссертационное исследование основано на следующих данных и материалах («источниках»):

1. Данные авторского этнографического исследования рабочего места (дневники, заметки, документы), в рамках которого была предпринята длительная полевая работа на конфетной фабрике в Подмосковье – с августа 2016 по август 2017 года. Данное этнографическое исследование имело важную особенность: оно началось как «скрытое включенное наблюдение», которое впоследствии перешло в (относительно) открытое «наблюдающее участие»⁸. Важно отметить, что ведение этнографических дневников

---

⁸ Стоит констатировать, что прежде я не называла свой метод «наблюдающим участием» – концептуализация последнего происходит только в рамках диссертационного исследования. Кроме этого, я говорю об «относительно открытом» наблюдении, поскольку в таком исследовательском предприятии сложно определить границы между «скрытым» и «открытым». Во-первых, я не могу быть уверенной, что совершенно все встретившиеся мне коллеги-рабочие на фабрике были в курсе того, что

изначально было обязательной практикой в рамках полевой работы. Основная установка заключалась в том, чтобы записывать все, что происходит вокруг меня и со мной после каждой рабочей смены.

2. Опубликованные тексты А. Н. Алексеева, чей опыт длительного «наблюдающего участия» в роли рабочего позволяет проанализировать техники и практики подобного исследовательского подхода. В рамках данного диссертационного исследования ценность текстов Алексеева заключена в нескольких моментах. Во-первых, он подробно описывает процесс своего исследования; во-вторых – он фиксирует личные наблюдения в форме объективированного повествования о собственном опыте рабочего. В этом смысле тексты Алексеева становятся «источником», который в рамках диссертационного исследования критически анализируется. Алексеев обширно использует полевые записи в опубликованных монографиях, однако во введении он уточняет, что не переписывал и практически не редактировал эти записи, только убирал некоторые личные нарративы. Отрывки полевых записей, помещенные в книгу, неизменно снабжаются датой.

Дополнением к опубликованным текстам Алексеева также служат интервью, которые в разные годы у исследователя брал Б. З. Докторов (эти материалы также опубликованы [Алексеев А. Н., Докторов, 2012]).

3. Экспертные интервью, взятые мной в период с 2020 по 2023 гг. Моих информантов можно условно разделить на четыре группы: (1) коллеги А. Н. Алексеева, (2) социологи, которые знали о его работе, (3) социологи, которые в 1980-1990-х гг. занимались исследованиями труда в России, но могли не знать А. Н. Алексеева, (4) зарубежные исследователи, которые занимались ЭТРБ в России в 1990-е гг. Всего в ходе исследовательской работы я провела 13 таких интервью. Они были направлены на уточнение контекста, в котором было реализовано исследование А. Н. Алексеева (1980-е гг.) и в котором он писал свою первую монографию (1990-е гг.). Интервью представляли собой неструктурированные беседы на обозначенные темы, такие как опыт собеседника в исследованиях труда как в 1980-х, так и в 1990-х гг., знакомство с А. Н. Алексеевым и/или его работами, опыт применения метода включенного наблюдения и т. п. Зарубежных социологов я также спрашивала об их впечатлении от работы и коммуникации с советскими и затем российскими социальными исследователями.

я являлась исследователем. Во-вторых, я также не могу быть уверенной, что после моего объявления о своей позиции исследователя ближайшие коллеги по бригаде стали воспринимать меня в большей степени как исследовательницу, а не коллегу.

Данные авторского этнографического исследования рабочего места – этнографические дневники, описывающие непосредственно работу на фабрике, заметки, посвященные описанию и осмыслению процесса исследования, – а также тексты Алексеева используются автором для анализа практики такого рода полевой работы. Таким образом, диссертационное исследование направлено на критический анализ обоих кейсов – Алексеева и авторского – в попытке обосновать методологию «наблюдающего участия» в ЭТРМ.

Обоснование принципов отбора источников данных

1. **Выбор кейсов.** Кейс А. Н. Алексеева был выбран поскольку представляет собой емкое и подробное описание полевой работы и контекстов, в которых она происходила, а также содержит попытки теоретического и методологического обоснования именно «наблюдающего участия». В отечественной социологии это единственный пример такого «источника» для анализа ЭТРМ. Авторский кейс стал отправной точкой для анализа методологии «наблюдающего участия»: в процессе полевой работы на фабрике в 2016–2017 гг. я не называла свой подход «наблюдающим участием», ровно, как и в монографии 2021 г. («Сбои поломки: этнографическое исследование труда фабричных рабочих»). Однако обширные описания не только наблюдаемого мной на фабрике, но и собственного опыта в роли участника (рабочей фабрики), а также процесса самого исследования, позволили на основе этого опыта и данных подойти к обоснованию методологии наблюдающего участия.

2. **Выбор собеседников для интервью.** Интервью давали второстепенные с точки зрения значимости для результатов исследования данные, поэтому я выбирала собеседников исходя из собственных представлений о том, какого рода знание мне необходимо получить на конкретном этапе работы. Таким образом, безусловно, список собеседников не является исчерпывающим, и остается обширное исследовательское поле в случае последующего развития моей научной работы в направлении истории становления и развития качественной методологии в исследованиях труда и рабочего места в отечественной социологии.

Обоснование ограничений исследования

Поскольку фокус моего исследования направлен не на анализ рабочего места, а на анализ исследовательского процесса (то есть «рабочего места» исследователя), явным ограничением самого диссертационного исследования стал тот факт, что в

опубликованных текстах за авторством отечественных исследователей зафиксировано крайне мало практик использования этнографического подхода в исследованиях так или иначе лежащих в рамках ЭТРМ. Количество текстов едва ли отражает реальный накопленный опыт исследователей. С одной стороны, это говорит о том, что опыт исследователя в таких проектах не становится единицей анализа в тексте. С другой стороны, это может быть свидетельством того, что рефлексия подобного опыта происходит в устной форме, либо остается в личных текстах исследователя.

Апробация метода на эмпирическом кейсе

Анализ и обоснование методологии наблюдающего участия изначально основаны на соло-этнографических кейсах длительных исследований рабочего места. Апробация происходила в ситуации командной работы в сжатые сроки. Во многом, на мой взгляд, это позволило проверить то, насколько возможна в данном случае (а) передача знаний и опыта реализации наблюдающего участия на практике другим исследователям, (б) применение методологии в краткосрочных временных рамках. Первое важно, поскольку существовал риск, что такой подход останется «ремесленным», то есть уникальным и невозпроизводимым. Второе – поскольку длительная полевая работа сама по себе маловероятна для большинства исследователей, особенно в отечественной исследовательской практике.

Апробация предложенного подхода происходила в период 2020–2023 гг. в рамках моей работы в ряде прикладных бизнес-проектов при сотрудничестве с несколькими исследовательскими бюро. Всего я участвовала в шести проектах, которые были направлены на изучение «опыта сотрудников» (*employee experience*), работающих в нескольких разных организациях: (1) супермаркеты (сотрудники: продавцы-кассиры), (2) распределительные центры маркетплейсов и продуктовых ритейлеров (сотрудники: операторы склада), (3) промышленное предприятие (сотрудники: рабочие), (5) автосалоны (сотрудники: менеджеры по продажам), (6) строительные компании (сотрудники: менеджеры по продажам). География проектов охватывала несколько регионов.

Моей задачей было организовать и реализовать процесс этнографического исследования, при этом я сама практически не работала в поле в роли наблюдающего участника. Моя работа предполагала и подготовку исследователей к работе (обучение), и совместное с ними «производство» полевых описаний. Этнографов трудоустраивались на позиции, не требующие (или требующие минимальной)

предварительной профессиональной квалификации и работали в должности от нескольких рабочих смен до одного-полутора месяцев. Все наблюдения были «скрытыми», то есть, ни заказчик не знал куда (если объектов несколько), кто и когда именно устраивается, ни другие сотрудники организации⁹. Можно выделить следующие ключевые особенности такой работы: (а) «наблюдающее участие» (этнографическое исследование в роли рабочего); (б) коллективность (вовлеченное участие в исследовании более одного человека); (в) разделение задач (асимметричность внутри процесса сбора и анализа данных [Clerke, Hopwood, 2014, с.10–14], то есть не все участники работали в поле); (г) дневники «для других» (исследователь или исследователи в поле писали свои полевые заметки таким образом, чтобы они были понятны тем участникам команды, которые не работали в поле, и были пригодны для систематического анализа данных, производимого не (только) автором дневников); (д) *со-производство* полевых этнографических дневников (один исследователь в поле писал дневники, минимум один его коллега, не работающий с ним в поле, регулярно читал дневники, задавал уточняющие вопросы, писал комментарии и т.д.); (е) сокращённый период полевой работы (вместо нескольких месяцев или года, такое исследование рассчитано на одну неделю–полтора месяца). Коллективность такой работы была связана с необходимостью «быстрой» реализации проектов, недостаточной квалификацией исследователей, а также с необходимостью проверить, насколько предложенная методология наблюдающего участия в этнографии труда и рабочего места возможна с точки зрения передачи принципов и практик.

Положения, выносимые на защиту

1. В исследовательской области ЭТРМ термины для определения исследовательских техник и практик используются несогласованно, отсутствуют универсальные критерии для определения того или иного исследования в качестве ЭТРМ. Несмотря на то, что нередко исследователи отталкиваются от схожих базовых теоретических и методологических оснований этнографического исследования, на практике ими используются совершенно разные как термины для определения методов, так и сами техники сбора данных. Нет четкого понимания того, что такое «этнографическое исследование» в ЭТРМ: в одних случаях речь может идти о текстах, написанных в «жанре этнографии», при этом данные могут быть собраны методом интервью или не-включенного наблюдения, в других, – речь идет о самой специфике

---

⁹ Вопросы исследовательской этики обсуждаются в работе отдельно.

методологии и методики исследования, когда исследователь в роли наблюдателя и/или участника погружается в полевую работу. Более того, выявлено несогласованное применение термина «наблюдение» – на практике в ЭТМ он применяется исследователями к различным способам сбора данных (там, где одни авторы говорят о «включенном наблюдении», другие говорят о «не-включенном»). Это справедливо и по отношению к зарубежным, и по отношению к отечественным исследователям. Существенное отличие здесь – это то, что в отечественной исследовательской практике практически отсутствуют примеры длительных соло-этнографических проектов в ЭТМ. Анализ существующих критериев для определения «этнографии рабочего места» и/или «этнографии труда/организационной этнографии» показывает, что они не носят универсальный характер, а скорее были сформулированы для решения конкретных задач, поэтому намеренно исключают значимые с теоретической и методологической точки зрения работы. Выделены два ключевых критерия: это полевая работа *in site* (не обязательно предполагающая интенсивное и длительное включенное наблюдение) и (2) характер стиля и жанра изложения материала (этнографические описания).

2. «Наблюдающее участие» – может считаться отдельной методологией в рамках исследовательской области ЭТМ при условии не столько конкретной роли исследователя в поле, сколько глубокой рефлексивной позиции, подразумевающей «объективацию» собственного опыта. Исследователи используют термин «наблюдающее участие» чтобы, в первую очередь, продемонстрировать свое большее *участие* в изучаемом социальном контексте в процессе полевой работы. Однако степень *участия* всегда очень сложно определить. Более того, изменение роли исследователя в поле автоматически не несет за собой методологических изменений. В отечественной социологии «наблюдающее участие» как исследовательскую практику впервые пытается осмыслить А. Н. Алексеев, он показывает на собственном примере, что участие исследователя, его опыт в роли, близкой его информантам, открывает новые эвристические возможности для понимания изучаемой реальности. С одной стороны, можно констатировать, что «наблюдающее участие» в отличие от «включенного наблюдения» в ЭТМ предполагает принятие исследователем на себя роли, близкой к роли информантов (например, когда исследователь стал медработником в составе скорой помощи, чей труд он и изучает [Metz, 1981]). Под «включенным наблюдением» в данном случае подразумевается наличие доступа к рабочему месту, но отсутствие непосредственного участия (например, когда исследователь сопровождает бригаду скорой помощи – ездит с ней на вызовы, наблюдая за непосредственными

практиками труда [Mannon, 1981]). С другой стороны, «наблюдающее участие» приобретает новую значимость, когда в фокусе анализа оказывается не только окружающая реальность, но и сам опыт исследователя в роли участника. Используя подход Л. Вакана (основанный на работах П. Бурдьё), анализ должен строиться не столько на внимании к переживаниям исследователя в процессе полевой работы, сколько на «объективации» опыта участия. Такой критический анализ опыта исследователя в роли участника помогает в данном случае интерпретировать социальную реальность не дистанцируясь от нее, но приближаясь к ней в том числе посредством этого опыта, который становится ключом к пониманию наблюдаемого.

3. Эвристический потенциал «наблюдающего участия» может быть расширен в рамках разработанного методического инструментария коллективного этнографического исследования труда и рабочего места, основанного на совместном (при участии нескольких исследователей – тех, кто погружен и не погружен в полевую работу) производстве полевых дневников «для других». У такого подхода несколько преимуществ: основное из них – возможность не проводить длительную полевую работу в течение нескольких месяцев. В отличие от классической схемы написания этнографического дневника «для себя» (когда исследователь не делится своими записями) или от привычной в отечественной социологии коллективной полевой (этнографической) работы (когда все участники коллектива работают в поле и пишут полевые дневники), совместное производство полевых записей позволяет, во-первых, сделать описание более дескриптивными (понятными даже тем, кто не был в этом поле), во-вторых, погрузить других участников в поле в процессе производства наблюдений и описаний, в-третьих, обеспечить большую эффективность таких наблюдений на более коротком промежутке времени за счет включения других участников команды как в методическую и организационную поддержку полевой работы коллег, так и в построение более плотных описаний. Это становится критически важным в этнографическом исследовании рабочего места, поскольку (1) существуют внешние ограничения на участие в непосредственной полевой работе всех участников исследовательского коллектива; (2) даже непродолжительная полевая работа методом «наблюдающего участия» (от нескольких недель до полутора месяцев) становится достаточно трудозатратным предприятием для полевого исследователя. Участие коллег в производстве описаний и поддержка в процессе полевой работы позволяет снять с полевого исследователя часть нагрузки.

4. «Наблюдающее участие» как исследовательский подход не является уникальным и может быть передан в процессе совместной работы и обучения другим

исследователям. Предложенный методологический инструментарий был успешно апробирован в ряде эмпирических исследований рабочего места. Автор выступала тем человеком, который не работал в поле, но сопровождал полевую работу других исследователей и участвовал в со-производстве полевых дневников (в разное время таких исследователей одновременно могло быть от одного-двух до десятка). Поскольку такой подход был ориентирован на опыт рабочих-новичков, он позволил, во-первых, описать процедуры найма (отклик на вакансию соискателем, прохождение собеседования, процесс трудоустройства, обучения и т.д.), во-вторых, описать процессы освоения рабочего места, в-третьих, прийти к ряду теоретических выводов относительно того, как устроено рабочее место.

Научная новизна исследования (вклад в развитие предметного поля)

1. Систематический обзор существующих принципов, процедур и практик этнографического исследования рабочего места позволил выявить ключевые тематические направления, дисциплинарные особенности и теоретические разработки в этнографических исследованиях труда и рабочего места. Обзор подходов к этнографическому исследованию в отечественной социологии показал наличие серьёзной лакуны в исследованиях рабочих мест в России, которая выражена в отсутствии методологических средств для емкого описания и анализа отношений и процессов на рабочем месте.

2. Выполненное теоретическое обоснование методологии «наблюдающего участия» в рамках этнографического исследования рабочего места позволило продемонстрировать возможности в области социологии труда, которые с меньшим успехом достигаются при использовании других подходов. Таким образом показано, что исследование может быть направлено не только «вовне» – быть наблюдением за окружающей социальной средой, – но и включать в себя непосредственный опыт исследователя как участника. Продемонстрированы теоретические результаты такого подхода.

3. Показано, что разработанный и апробированный методологический подход позволяет нивелировать ключевое ограничение (и особенность) этнографического исследования рабочего места – продолжительность полевой работы. Применение метода «наблюдающего участия», коллективной работы в части со-производства полевых описаний даже на относительно коротком временном

промежутке позволило собрать дескриптивные и рефлексивные этнографические данные.

Сжатое изложение основного содержания исследования и его результатов

Определение понятий: «этнография труда и рабочего места» и «наблюдающее участие»

В ходе обзора текущего состояния исследовательской области, образующейся вокруг понятий «этнография рабочего места», «этнография труда», «организационная этнография» и «наблюдающее участие», я провела анализ материалов базы научного цитирования Google Scholar. Были изучены публикации, которые можно найти за все время по поисковым запросам «workplace ethnography», «ethnography of work», «organizational ethnography», «observant participation». Значительное количество работ, попавших в результаты выдачи, не содержало перечисленных понятий в названии – соответственно, они требовали понимания контекста в каждом отдельном случае. Поэтому в целях уточнения результатов поиска я также просматривала библиографические списки найденных публикаций, в том числе обзорных и историографических работ.

Результат изучения интересующей меня исследовательской области можно обобщить следующим образом: чаще всего в литературе, посвященной ЭТРМ, встречается понятие «этнография рабочего места» (*workplace ethnography*), однако за этим термином могут стоять различные исследовательские практики. Например, не-включенное наблюдение (*non-participant observation*) и интервью [Carmel, 2011], разные интерпретации включенного наблюдения [De Vaujany, Aroles, 2019; Billett, 2008], полу-структурированные и неструктурированные интервью [Martin, Scribner, 1991; Billett, 2008] и тд.

Можно заключить, что к ЭТРМ в широком смысле относятся разные работы и исследовательские практики в зависимости от дисциплинарной принадлежности и исследовательских задач авторов публикаций. Ключевым требованием для определения методологии исследования как ЭТРМ чаще всего становится обращение к «этнографическому подходу» и фокус на «рабочем месте»; однако четкое определение обоих понятий встречается редко. Так, в отдельных случаях этнографические исследования, связанные с изучением «рабочего места», подразумевают изучение «общих рабочих мест», то есть коворкингов, куда в том числе не связанные между

собой люди приходят работать с ноутбуками. Включенное наблюдение в данном случае предполагает посещение исследователем (с ноутбуком) таких коворкингов и недолгое присутствие [De Vaujany, Aroles, 2019]. В ряде случаев под «этнографическим подходом» подразумевается подробное описание трудовой деятельности (например, парикмахерского дела [Billett, 2008] или операторов на производстве [Martin, Scribner, 1991]) на основе метода стороннего наблюдения, а также полу-структурированных интервью.

В завершение проделанного анализа я выделяю ряд критериев, которые необходимы для определения понятия «рабочее место». Поскольку в традиционных подходах к ЭТРМ предполагается, что работа происходит на территории работодателя (будь то офис, сельскохозяйственные поля, лесопилка или ресторан), а большая часть таких исследований выполнены именно в такой оптике, «рабочее место» – это (1) некоторое пространство вне дома работника; (2) пространство, непосредственно связанное с выполнением работником своих функциональных обязанностей; (3) пространство, в котором находятся и другие работники.

Этнографическими текстами по результатам ЭТРМ в основном считаются публикации книжного формата, написанные в повествовательном стиле и содержащие описания «рабочего места», характеристику отношений на рабочем месте, характеристики организации. В большинстве случаев обзорные и историографические работы, стремящиеся охватить публикации, написанные в стиле и по результатам ЭТРМ, своей целью ставят анализ трудовых отношений [Hodson, 2004; Sebastian, 2022] и организационной культуры [Organizational Ethnography..., 2009], ограниченный временными и/или географическими рамками.

«Этнографии рабочего места» и «организационные этнографии» могут быть использованы в качестве синонимов [Carmel, 2011] или как дополняющие друг друга [Sebastian, 2022]).

Если говорить о «наблюдающем участии» (*observant participation*) или «наблюдении за участием» (*observation of participation*), то в публикациях разных лет такой подход определяется как непосредственное участие в жизни изучаемого сообщества [Tedlock, 1991; Seim, 2021], где исследователь занимает *более активную* позицию в поле (по сравнению с включенным наблюдением) [Moeran, 2009]. В контексте ЭТРМ *участие* – это совместная работа, которая предполагает, что исследователь берет на себя определенную роль – становится коллегой для своих информантов. Под *большей активностью* исследователя в поле [Ibid] подразумевается тактика, при которой исследователю не следует избегать совершения какие-либо

действия, опасаясь, что это каким-то образом повлияет на «естественность» условий [Tedlock, 1991]. Однако возникает вопрос, что может представлять собой на практике «большая активность исследователя» и как определить момент «перехода» от «включенного наблюдения» к «наблюдающему участию».

Таким образом, анализ литературы показывает, что в рамках ЭТРМ не предпринималась достаточная рефлексия относительно того, что собой представляет «этнографический подход», а участие исследователей отдельно практически не проблематизировалось.

От «включенного наблюдения» к «наблюдающему участию»

Если выходить за пределы исследовательской области, образующейся вокруг ЭТРМ, наиболее ценную в рамках данного диссертационного исследования теоретическую и методологическую трактовку наблюдающему участию предлагает Л. Вакан [Вакан, 2014, с. 116]. На примере исследования профессионалов бокса в «черном» гетто Чикаго [Wacquant, 2004] он показал, как активное участие исследователя позволяет не только изучить устройство сообщества, но и получить знание о том, как социальная среда влияет на «тело и душу» [Вакан, 2014], объективировав свой (в том числе телесный) опыт. Вакан констатирует: «Исследователь здесь – один из социализированных индивидов, брошенных в социоморальные и эмоциональные испытания боксерского зала, один из действующих лиц, перемены в которых выявляют алхимию производства боксера. Ученичество здесь – средство обретения практического мастерства, инстинктивного знания изучаемой вселенной, способ освещения праксиологии исследуемых агентов, о чем говорил Ирвинг Гоффман [Goffman, 1989]¹⁰ в знаменитой лекции о работе в поле, – не способ погружения в субъектность исследователя» [Вакан, 2014, с. 117].

В некотором смысле Л. Вакан вступает в дискуссию с современными «рефлексивными антропологами», которые, по его словам, концентрируются на своих переживаниях больше, чем на окружающем, в результате изучают самих себя (имея в виду автоэтнографию). Подход Вакана – это практическое применение «объективации объективирующего субъекта», которую предложил П. Бурдьё (*participant objectivation*) [Bourdieu, 2003]. В подходе Вакана, который через наблюдение повседневных практик спортсменов и обучение боксу раскрывает культуру профессионального спорта, объективация собственного опыта становится ключом к этнографической работе.

---

¹⁰ Goffman E. On fieldwork // Journal of Contemporary Ethnography. 1989. Vol. 18. No 2. P. 123–32.

Опираясь на проведенный анализ, я определяю в своей работе «наблюдающее участие» через сочетание трех составляющих: (1) принятие исследователем на себя роли, близкой его/ее информантам, (2) активное участие в жизни сообщества, (3) объективацию собственного опыта в этой роли посредством рефлексивного анализа своего участия.

Практики и контексты использования этнографического подхода в исследованиях труда и рабочего места в отечественной социологии

Для того, чтобы прояснить практики и контексты, связанные с этнографическим подходом в исследованиях труда и рабочего места в отечественной социологии, я проанализировала материалы баз научного цитирования Google Scholar и Elibrary. Анализ состоял из двух последовательных шагов: сначала отбирались публикации, которые определяют и концептуализируют «этнографию» и «включенное наблюдение» в социологии; затем – публикации, которые могут иметь отношение к ЭТРМ. На обоих этапах литература отбиралась сначала по ключевым словам, после чего использовались библиографические списки публикаций.

Также в рамках изучения подхода А.Н. Алексева я обращалась к методическим и методологическим текстам, написанным в советский период (1950–1980 гг.) и в 1990-е гг.¹¹ – это требовалось для уточнения контекстов, в которых А. Н. Алексеев предпринял свой исследовательский проект.

В социологических публикациях, призванных определить «включенное наблюдение» или описать связанные с ним практики, обычно идет речь о наблюдении и фиксации того, что происходит вокруг исследователя. Гайды и рекомендации призывают описывать поведение и отношения информантов, разговоры с ними. Этнографический подход также нередко включает в себя целый набор различных методов, в котором включенное наблюдение не обязательно становится ключевым. Термин «наблюдающее участие» в рассмотренных работах используется редко.

Можно констатировать, что русскоязычных текстов, использующих понятия «этнографии труда» или «рабочего места», практически не существует¹². Принимая во внимание возможность использования других понятий, определяющих

---

¹¹ Поскольку первая монография была издана Алексеевым в 1997 г.

¹² Акцентируя здесь внимание на «русском языке», я имею в виду авторство отечественных социологов, поскольку речь о локальной «традиции», связанной с ЭТРМ. Однако, безусловно, говоря о теоретической области знания вокруг исследований труда и производственных отношений, выполненных в этнографическом подходе, значимыми являются исследование, выполненные зарубежными социологами, находившимися на территории России. Так, имеется пример использования ЭТРМ в университете, где преподавала несколько лет подряд зарубежная исследовательница [Spencer, 2009].

методологический подход, я всё равно не смогла найти большого количества этнографических исследований труда и рабочего места, – даже если отнести сюда исследования, которые не только и не столько основаны на методе «наблюдающего участия», а скорее «включенного наблюдения»¹³ и качественных интервью¹⁴. Имеющиеся в отечественной социологии примеры трудоустройства исследователя в организацию для изучения рабочего места и производственных отношений по большей части краткосрочные, либо недостаточно емко представленные в академической литературе.

В этом контексте исследование А. Н. Алексева выделяется тем, что автор определил в нём свой подход как «наблюдающее участие», опираясь не только на представления о необходимости большей активности в роли рабочего. Анализ текстов А. Н. Алексева показал, что в его исследовательском проекте фокус смещается с наблюдения за рабочими на наблюдение за собственным опытом в роли рабочего посредством его объективации. В данном случае «наблюдающее участие» А. Н. Алексева близко к концептуализации этого метода, предложенной Л. Ваканом.

«Наблюдающее участие» в этнографическом исследовании рабочих мест в отечественной социологии

Возвращаясь к работе Л. Вакана, я могу отметить, что его тексты делают вклад в исследовательскую область ЭТРМ – с оговоркой о том, что здесь я оставляю за скобками организационные особенности границ между профессиональным и любительским боксом. В центре этнографического повествования Л. Вакана стоит он сам и его опыт обучения профессиональному боксу как спорту и как профессии через описания повседневных практик в спортивном зале (в достаточно вольной трактовке эту локацию можно определить как «рабочее место» профессиональных спортсменов). Подобный способ строить анализ отношений на рабочем месте и этнографический нарратив о «рабочих местах» встречается во многих ЭТРМ, что делает возможным определять такие работы как выполненные методом «наблюдающего участия». В центре повествования А. Н. Алексева также оказывается он сам в роли рабочего (и исследователя). Это также справедливо и по отношению к моей собственной работе [Пинчук, 2021a]. В отличие от опыта погружения Вакана в мир бокса, где он оказался в положении «совершенного новичка» [Wacquant, 2010, p. 69], и аналогичного моего –

---

¹³ Имеется в виду наблюдение, не подразумевающее «участие», где исследователь проводит время с информантами, наблюдает за их работой, неформально общается с ними и т.д., например, [Абрамов, 2012; Абрамова, 2007].

¹⁴ Например, [Тартаковская, Ваньке, 2016].

в мир фабричного труда, – А. Н. Алексеев на начало своего исследования уже имел опыт работы на заводе, а также опыт участия в исследовательских проектах производственных отношений. Однако отмечу, что он не умалчивает о своем бэкграунде и, кроме того, осваивает новые для себя профессии. В этом смысле он также обучается профессии заводского рабочего. Характерным свойством его подхода становится заявление об активных действиях исследователя в роли рабочего, и он действительно активно участвует в жизни цеха.

В рамках собственного этнографического исследования я рассматриваю ряд сюжетов, которые также удалось описать и проанализировать благодаря собственному участию в роли рабочей. В процессе обучения профессии оператора мне удается описать и характер отношений на рабочем месте, и влияние изношенного оборудования на характер труда в цехе.

Применение метода «наблюдающего участия» в ЭТРМ предполагает исследовательскую рефлексивность (в понимании П. Бурдьё) и требует описания (и анализа) не только содержательной части наблюдений, но процесса исследования. В результате моей работы на фабрике я рефлексивно исследую исследовательский труд в этнографическом исследовании, и подробно описываю и анализирую ход полевой работы, свои предубеждения и стереотипы, собственный опыт участия. [Пинчук, 2021а, с. 132–193].

Особенности и ограничения этнографического исследования труда и рабочих мест (ЭТРМ)

Анализ собственного опыта реализации ЭТРМ показал ряд ключевых особенностей и проблемных мест этого исследовательского подхода.

Во-первых, важной становится объективация собственной академической и непрофессиональной социализации («включенная объективация», Бурдьё). Утверждается, что ЭТРМ «начинается с исследователя», поскольку критически важно с какими установками, навыками, теоретическими основаниями этнограф начинает свое наблюдение. В данном случае имеется в виду не поворот к автоэтнографии как методологической рамке подхода, а использование «объективирующим субъектом» в отношении себе схожей техники, что и к окружающему – попытка объективации.

Во-вторых, размывается понимание «поля», поскольку исследователь погружается в изучаемую среду не только в рамках конкретного пространства (например, завода) или определенного ежедневного периода времени (например, выходит «в поле» на несколько часов). В длительном этнографическом исследовании «поле» охватывает все сферы жизни исследователя, что способствует «ролевой двойственности» в работе

исследователя (постоянная необходимость переключаться между ролью «участника» и ролью «этнографа»).

В-третьих, исследователь, по сути, работает на двух «работах» одновременно: и как рабочий, и как этнограф. Однако ритмы и режимы труда в организации, безусловно, влияют на возможность выполнять задачи, связанные, например, с фиксацией наблюдений.

В-четвертых, несмотря на обозначенные выше сложности, ежедневное ведение полевых дневников считается обязательным, это ключевая задача этнографа.

В-пятых, и в случае «открытого», и в случае «скрытого» наблюдающего участия на разных этапах полевой работы возникают этические сложности, которые необходимо решать. Анонимизация как объекта наблюдения, так и информантов должна считаться обязательным условием такой работы. Также наблюдающее участие должно сопровождаться базовыми этическими принципами, подразумевающими уважение к информантам и их частной жизни. Перед исследователем может встать вопрос о том, стоит ли упоминать какие-то отдельные (даже важные с точки зрения исследования) характеристики информантов или ситуации, если существует риск любых последствий для информантов.

В-шестых, коллективная работа становится сложно реализуемой на длительном промежутке времени. Если полевая работа длится год и в поле только один исследователь, а остальные участники исследовательской команды не погружены постоянно в проект, это приводит к непродуктивной асимметрии с точки зрения включенности участников команды и объемов работы, которую они выполняют.

В-седьмых, какой бы ни была организация исследовательской работы, этнограф, реализующий полевую работу, всегда должен иметь возможность самостоятельно распоряжаться своими наблюдениями (с соблюдением этических принципов); при этом остальным участникам команды следует обсуждать с этнографом использование его/ее полевых дневников.

Коллективная этнография труда и рабочего места (ЭТРМ)

Учитывая особенности и ограничения двух исследовательских проектов, систематический анализ которых проведен в диссертации (Алексеева и моего), была разработана стратегия «коллективной ЭТРМ», апробированная в период 2020–2023 гг. в нескольких разных организациях: (1) супермаркеты (сотрудники: продавцы-кассиры), (2) распределительные центры маркетплейсов и продуктовых ритейлеров (сотрудники: операторы склада), (3) промышленные предприятия (сотрудники: рабочие), (5)

автосалоны (сотрудники: менеджеры по продажам), (б) строительные компании (сотрудники: менеджеры по продажам). Во всех проектах в поле участвовало больше одного этнографа, с чьими дневниками я работала на этапе полевой работы. Однако здесь мы сосредоточимся на взаимодействии в паре, где один исследователь в поле, другой не в поле, но участвует в со-производстве полевых записей.

Во-первых, мною были разработаны инструкции по заполнению полевого дневника. Формат полевого дневника описывался следующим образом:

«В дневнике обязательно указывается **дата**, по возможности – **время**. Фиксируются и описываются все **события**, которые произошли за день в хронологическом порядке. По возможности передается содержание **разговоров** (через прямую речь, если удалось точно запомнить или записать, или в общих чертах). Описываются собственные **ощущения, чувства, переживания, предположения** по поводу происходящего»¹⁵.

Этнографические описания в полевом дневнике разделялись на два «уровня», которые позволяли реконструировать все произошедшее, а также не упустить опыт самого исследователя:

«Соответственно, задача наблюдателя фиксировать максимально приближенно к “реальности” происходящие вокруг – на первом этапе восприятия отделяя это описываемое происходящее от своего опыта, знаний (фактология). На условном втором этапе восприятия – фиксировать уже свои предположения, давать интерпретации, эмоциональную оценку (автоэтнография)» [Пинчук, 2021b].

Изначально я предлагала в первую очередь заполнять дневник «для себя», а потом, извлекая из него личные нарративы по усмотрению этнографа, приводить дневник к формату «для других» (поскольку я не была уверена, что этнографы смогут и захотят делиться своими переживаниями и впечатлениями в полной мере с командой). На мой взгляд, это позволяло бы сохранить особенность «наблюдающего участия» и исследовательской рефлексии на случай, если этнограф захочет работать со своими дневниками для написания академической работы. Однако впоследствии стало понятно, что в процессе со-производства полевых дневников участвовали только я и этнограф, и здесь удавалось выстроить доверительные отношения, которые позволяли этнографам относительно открыто писать «автоэтнографичную» часть дневника и собственную рефлексия. Эти дневники я нередко редактировала впоследствии перед

---

¹⁵ Выдержка из инструкции, которую я писала для этнографов. Изначальное форматирование сохранено.

тем, как делиться ими с другими участниками команды. Это позволяло сократить время работы этнографа над дневником.

Критерием качества полевого дневника было принято считать отсутствие у читающего полевые записи уточняющих вопросов по поводу написанного. Таким образом дескриптивное описание становится понятным для исследователя, который не находится в поле.

Кроме этого, в процессе стало понятно, что инструкции как текст не всегда работают лучшим образом. В итоге я стала проводить воркшопы для каждого этнографа, который впервые присоединился к исследованию, в том числе показывая отрывки полевых дневников для демонстрации ошибок и best practices¹⁶.

Полевая работа длилась от нескольких рабочих смен, до нескольких недель; самая продолжительная заняла полтора месяца. Благодаря тому, что мы практически не ограничивали ни фокус исследователей, ни степень их участия и действия, удалось собрать обширные этнографические данные о различных рабочих местах. Этнографы действовали в роли рабочих не исходя из каких-то предустановленных задач и заданий, а ситуационно и в контексте собственных принципов, личных качеств и т.д. Ключевой задачей было максимальное приближение к опыту «инсайдеров». Единственным важным ограничением были принципы базовой этики.

Список научных публикаций автора диссертации, в которых отражены основные научные результаты диссертации:

Пинчук, О. В. «Партизанщина» на позднесоветском заводе через призму драматической социологии Андрея Алексева. // Интеракция. Интервью. Интерпретация, 2022. №14(3). С. 77–96.

Пинчук О. В. Мастерство в труде: «Ориентация на задачи» и «совладание» с изношенным оборудованием // Антропологический форум. 2022. № 54. С. 68–92.

Пинчук О. В. Как возможно этнографическое исследование труда в России? Демаргинализация этнографии в поле прикладного исследования // Социология власти. 2021. №33 (3). С. 109–130.

---

¹⁶ В том числе такие воркшопы, посвященные полевой работе в ЭТРМ и заполнению этнографических дневников, проводились мной для студентов-социологов и антропологов в рамках учебных курсов и семинаров.

Дополнительные публикации автора, имеющие непосредственное отношение к результатам диссертационного исследований:

Пинчук О. В. Сбои и поломки: этнографическое исследование труда фабричных рабочих. Common place, 2021. 208 с.

Список экспертных публикаций автора, в которых представлены результаты диссертационного исследования:

Пинчук О. В. Этнография труда рабочих распределительного центра: методические замечания // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. №. 3. С. 31–34.

Пинчук О. В. Этнография труда. В попытках увидеть невидимое // Социодиггер. 2022. Т. 3. №. 10-11 (22). С. 34–38.

Список литературы:

1. Абрамов Р.Н. «Структурщики» и «заводские социологи»: к истории исследований социально-профессиональных групп в СССР в 1960–1980-е годы // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 50–59.
2. Абрамов Р.Н. Металлурги на машиностроительном заводе: очерк профессиональной субкультуры // Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2012. С. 153–174.
3. Абрамов Р.Н. На подхвате у алгоритма, или истории поденщика платформенного капитализма // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. №. 3. С. 35–54.
4. Абрамов Р.Н. Рабочие в современных социологических исследованиях: российский контекст // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. Т. 3. №. 3. С. 283–291.
5. Абрамова О. «В работе главное – здравый смысл!» Повседневное знание в труде фрезеровщиков // Профессии doc. Социальные трансформации профессионализма: Взгляды снаружи, взгляды изнутри / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2007. С. 360–381.
6. Алексеев А.Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего). М.: Институт социологии РАН, 1997. Книга 2. 657 с.
7. Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1–4. СПб.: Норма. 2003–2005.
8. Алексеев А.Н., Докторов Б.З. В поисках адресата. СПб.: Foster City, 2012. 472 с.
9. Белановский С.А. Методика и техника фокусированного интервью. М.: Наука, 1993. 352 с.
10. Бикбов А., Гавриленко С. Российская социология: автономия под вопросом [Часть 1] // Логос. 2002. № 5–6. С. 186–210.
11. Буравой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж. 1997. № 10–11. С. 154–176.
12. Бурдые П. Включенная объективация // Социологический журнал. 2011. №. 2. С. 21–38.
13. Бурдые П. Опыт рефлексивной социологии // Теоретическая социология: антология. 2002. №. 2. С. 373–429.

14. Вакан Л. Габитус как объект и инструмент. Анализ становления боксера-профессионала // Социологические исследования. 2014. №. 11. С. 113–120.
15. Ваньке А.В., Полухина Е.В., Стрельникова А.В. Как собрать данные в полевом качественном исследовании. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 256 с.
16. Гирц К. Интерпретация культур. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 560 с.
17. Готлиб А. Качественное социологическое исследование познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004. 447 с.
18. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1998. 208 с.
19. Димке Д.В. Классики без классики: социальные и культурные истоки стиля советской социологии // Социологические исследования. 2012. №. 6. С. 97–106.
20. Здравомыслов А.Г. Методология и процедура социологических исследований. М.: Издательский дом «Мысль», 1969. 205 с.
21. Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006. 256 с.
22. Клеман К. Неформальные практики российских рабочих // Социологические исследования. 2003. №. 5. С. 62–72.
23. Козина И. Case study: некоторые методические проблемы // Рубеж. 1997. №. 10–11. С. 177–189.
24. Козина И.М. Особенности применения стратегии «исследования случая» (case study) при изучении производственных отношений на промышленном предприятии // Социология: методология, методы, математические модели. 1995. №. 5–6. С. 65–90.
25. Козина И.М., Серёжкина Е.В. Концепция кейс-стади в социальных науках и французская традиция монографических исследований трудовых организаций // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 64–73.
26. Козлова Л.А. Личностное знание А.Н. Алексеева о социологии и обществе в авторефлексии автора // Социологический журнал. 2024. Т. 30. № 3. С. 145–164.
27. Костюшев В. В. Драматическая социология Алексеева: открытие через преодоление // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 4. С. 178–183.
28. Полухина Е.В. Этнографическая фокус-группа как метод: особенности и процедура проведения: автореф. дис.... канд. соц. наук: 22.00.01 / Полухина Е.В. Москва, 2012. 204 с.

29. Полухина Е.В. Этнографический метод в отечественных социологических исследованиях // Социологические исследования. 2010. Т. 315. №. 7. С. 143–146.
30. Полухина Е.В. Case-study как исследовательская стратегия // Case-study–образовательный и исследовательский опыт в междисциплинарном контексте. СПб. 2013. С. 5–21.
31. Полухина Е.В., Ваньке А. В. Идентичность заводского рабочего в постсоветском контексте: этнографическое кейс-стади района Уралмаш // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. №. 2. С. 237–252.
32. Рождественская Е. Надежность качественных методов и качество данных // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2014. №. 8. С. 16-29.
33. Романов П. Этнографический метод в социологии: дис.... канд. соц. наук: 22.00.01. / Романов П. Москва, 1997. 158 с.
34. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. «Делать знакомое неизвестным...»: этнографический метод в социологии // Социологический журнал. 1998. №. 1–2. С. 145–160.
35. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Этнографическое воображение в социологическом исследовании // Этнографическое обозрение. 2000. №. 2. С. 18–27.
36. Рубел П., Чегринцев А. Исследовательские стратегии в современной американской культурной антропологии: от «описания» к «письму» // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. №. 2. С. 85–101.
37. Соколов М.М. Рынки труда, стратификация и карьеры в советской социологии // Экономическая социология. 2011. Т. 12. №. 4. С. 37–72.
38. Старовойтенко А.Д. (Де)субъективация работников в пространстве склада маркетплейса: цифровой диктат или индустриальный «базар»? // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. №. 3. С. 55–75.
39. Стрельникова А., Ваньке А. Полевое исследование индустриального района: стратегии сбора и анализа визуальных данных // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2017. №. 13. С. 51–72.
40. Тартаковская И., Ваньке А. Карьера рабочего как биографический выбор // Социологическое обозрение. 2016. №. 3. С. 9–48.
41. Уйти, чтобы остаться: Социолог в поле: Сб. ст. / Под ред. Виктора Воронкова и Елены Чикадзе. СПб.: Алетейя, 2009. 148 с.

42. Филиппов, А.Ф. Советская социология как полицейская наука // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2014. № 3. С. 91–105.
43. Филькина А. В. Этнографический метод в исследованиях новых религиозных движений: проблема формирования исследовательской позиции : автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.01 / Филькина А.В. Москва, 2009. 30 с.
44. Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Социологический журнал. 1998. №. 3–4. С. 109–125.
45. Штейнберг И.Е. Метод «длинного стола» в качественных полевых социологических исследованиях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. №. 5. С. 493–516.
46. Ядов В.А. Стратегии социологического исследования: понимание, объяснение, описание. М.: Добросвет, 2000. 596 с.
47. Ярская-Смирнова Е., Романов П. Этнография как профессия: между управлением, рынком и «чистой» наукой // Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / Под редакцией Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. С. 382–404.
48. Applebaum H.A. Royal blue: The culture of construction workers. New York: Holt, 1981. 160 p.
49. Ashwin S. Russian workers: The anatomy of patience. Manchester: Manchester University Press, 1999. 224 p.
50. Ashwin S., Clarke S. Russian trade unions and industrial relations in transition. Springer: Palgrave Macmillan London, 2002. 293 p.
51. Ashwin S., Yakubovich V. An inspired collaboration with Russian sociologists: An interview with Simon Clarke // Capital & Class. 2023. V. 47. № 2. P. 201–209.
52. Atkinson P. Hammersley M. Ethnography: Principles in practice. Abingdon: Routledge, 2007. 288 p.
53. Atkinson P. Understanding ethnographic texts. London: Sage Publications. 1992. 58 p.
54. Atkinson P., Coffey A. Analysing documentary realities // Qualitative Research: Theory, Method and Practice, Second edition. London: Sage, 2004. P. 77–92.

55. Atkinson P., Hammersley M. Ethnography and participant observation // *Strategies of Qualitative Inquiry*. London: Sage, 1998. P. 248–261.
56. Becker H. S. Problems of inference and proof in participant observation // *American sociological review*. 1958. V. 23. № 6. P. 652–660.
57. Beynon H. *Working for ford*. London: Allen Lane, 1973. 336 p.
58. Billett S. Subjectivity, learning and work: Sources and legacies // *Vocations and Learning*. 2008. V. 1. № 2. P. 149–171.
59. Bourdieu P. Participant objectivation // *Journal of the royal anthropological institute*. 2003. V. 9. № 2. P. 281–294.
60. Burawoy M. *Ethnography unbound: Power and resistance in the modern metropolis*. Berkeley: University of California Press, 1991. 352 p.
61. Burawoy M. *Manufacturing consent: Changes in the labor process under monopoly capitalism*. Chicago: University of Chicago Press, 1982. 286 p.
62. Burawoy M., Krotov P. The Soviet transition from socialism to capitalism: worker control and economic bargaining in the wood industry // *American Sociological Review*. 1992. V. 57. P. 16–38.
63. Burawoy M., Lukács J. *The radiant past: Ideology and reality in Hungary's road to capitalism*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 251 p.
64. Campbell E., Lassiter L.E. *Doing ethnography today: Theories, methods, exercises*. New York: John Wiley & Sons, 2014. 160 p.
65. Carmel S. Social access in the workplace: are ethnographers gossips? // *Work, Employment and Society*. 2011. V. 25. № 3. P. 551–560.
66. Cavendish R. *Women on the Line*. London: Routledge Kegan & Paul, 1982. 182 p.
67. Chapoulie J. M. Everett C. Hughes and the development of fieldwork in sociology // *Urban Life*. 1987. V. 15. №. 3–4. P. 259–298.
68. Clarke S. *Conflict and change in the Russian industrial enterprise*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 1996. 320 p.
69. Clément K. *Les ouvriers dans les mutations de la société russe actuelle: 1989–1997*. Thèse de doctorat. Paris, EHESS, 1999. 431 p.
70. Clerke T., Hopwood N. *Doing ethnography in teams: A case study of asymmetries in collaborative research*. New York: Springer, 2014. 96 p.
71. Clifford J. On ethnographic authority // *Representations*. 1983. №. 2. P. 118–146.

72. Collinson D.L. *Managing the shopfloor: Subjectivity, masculinity, and workplace culture*. Berlin: Walter de Gruyter, 1992. 255 p.
73. De Vaujany F. X., Aroles J. Nothing happened, something happened: Silence in a makerspace // *Management Learning*. 2019. V. 50. №. 2. P. 208–225.
74. Deener A. The architecture of ethnographic knowledge: Narrowing down data and contexts in search of sociological cases // *Sociological Perspectives*. 2018. V. 61. №. 2. P. 295–313.
75. Denzin N. K. *Interpretive ethnography: Ethnographic practices for the 21st century*. London: Sage, 1997. 325 p.
76. Ditton J. R. *Part-time crime: An ethnography of fiddling and pilferage*. New York: Springer, 1977. 195 p.
77. Down S. A historiographical account of workplace and organizational ethnography // *Journal of Organizational Ethnography*. 2012. V. 1. №1. P.72–82.
78. Edwards P., Bélanger J. Generalizing from workplace ethnographies: from induction to theory // *Journal of Contemporary Ethnography*. 2008. V. 37. №. 3. P. 291–313.
79. Erickson K., Stull D. *Doing team ethnography: Warnings and advice*. Thousand Oaks: Sage Publications Inc, 1998. 69 p.
80. Fetterman D.M. *Ethnography: Step-by-step*. Thousand Oaks: Sage publications, 2019. 224 p.
81. Frege C.M. Varieties of Industrial Relations Research: Take-over, Convergence or Divergence? // *British Journal of Industrial Relations*. 2005. V. 43. №. 2. P. 179–207.
82. Gobo G. *Doing ethnography*. London: Sage, 2008. 360 p.
83. Goffman E. On fieldwork // *Journal of Contemporary Ethnography*. 1989. V. 18. № 2. P. 123–32.
84. Gold R.L. Roles in sociological field observations // *Social Forces*. 1957. V. 36. №3. P. 217–223.
85. Gullion J.S. *Writing ethnography*. Second Edition. Leiden: Brill, 2021. 128 p.
86. Halle D. *America's working man: Work, home, and politics among blue collar property owners*. Chicago: University of Chicago Press, 1984. 378 p.
87. Hammersley M. What is ethnography? Can it survive? Should it? // *Ethnography and education*. 2018. V. 13. №. 1. P. 1–17.
88. Hammersley M. *What's wrong with ethnography?* London: Routledge, 2013. 244 p.

89. Hodson R. A meta-analysis of workplace ethnographies: Race, gender, and employee attitudes and behaviors // *Journal of Contemporary Ethnography*. 2004. V. 33. №. 1. P. 4–38.
90. Ingold T. That's enough about ethnography! // *Hau: journal of ethnographic theory*. 2014. V. 4. №. 1. P. 383–395.
91. Kurakin D. The sociology of culture in the Soviet Union and Russia: The missed turn // *Cultural Sociology*. 2017. V. 11. №. 4. P. 394–415.
92. Mannon J.M. *Emergency Encounters: A Study of an Urban Ambulance Service*. Port Washington: Kennikat Press, 1981. 193 p.
93. Martin L.M.W., Scribner S. Laboratory for cognitive studies of work: A case study of the intellectual implications of a new technology // *Teachers College Record*. 1991. V. 92. №. 4. P. 582–602.
94. Metz D.L. *Running Hot, Structure and Stress in Ambulance Work*. Cambridge, MA: Abt Books, 1981. 237 p.
95. Moeran B. From participant observation to observant participation // *Organizational ethnography: Studying the complexities of everyday life*. London: Sage, 2009. P. 139–155.
96. *Organizational Ethnography: Studying the Complexities of Everyday Life* / Sierk Ybema, Dvora Yanow, Harry Wels & Frans Kamsteeg (eds.). London: Sage, 2009. 304 p.
97. Pattle S. Soviet Industrial Sociology, 1960s–1970s. A Specialism Developed in Local Research Institutes // *Revue d'histoire des sciences humaines*. 2022. №. 40. P. 111–132.
98. Pollert A. *Girls, wives, factory lives*. New York: Macmillan, 1981. 272 p.
99. Rabinow P. Discourse and power: On the limits of ethnographic texts // *Dialectical Anthropology*. 1985. V. 10. №1–2. P. 1–13.
100. Roy D. «Banana time»: Job satisfaction and informal interaction // *Human organization*. 1959. V. 18. №. 4. P. 158–168.
101. Sebastian S. *Moving Forward by Looking Backward: A Historiography of Workplace and Organizational Ethnography in the UK since 1965*. PhD thesis. Cambridge: Anglia Ruskin University, 2022. 238 p.
102. Seim J. Participant observation, observant participation, and hybrid ethnography // *Sociological Methods & Research*. 2021. V. 53. № 1. P. 1–32.
103. Smith V. Ethnographies of work and the work of ethnographers // *Handbook of ethnography*. London: Sage. 2001. P. 220–233.

104. Sokolov M. Famous and Forgotten: Soviet Sociology and the Nature of Intellectual Achievement under Totalitarianism // *Serendipities. Journal for the Sociology and History of the Social Sciences*. 2020. V. 2. №2. pp. 183–211
105. Spencer S. B. Culture at work in post-Soviet Society // *Economic Sociology of Work*. 2009. V. 18. P. 287–311.
106. Tedlock B. From participant observation to the observation of participation: The emergence of narrative ethnography // *Journal of anthropological research*. 1991. V. 47. №. 1. P. 69–94.
107. Titarenko L., Zdravomyslova E. *Sociology in Russia: A brief history*. Springer: Palgrave Macmillan London, 2017. 169 p.
108. Venkatesh S.A. The reflexive turn: The rise of first-person ethnography // *The Sociological Quarterly*. 2013. V. 54. №. 1. P. 3–8.
109. Wacquant L. *Body & soul: Notebooks of an apprentice boxer*. Oxford: Oxford University Press, USA, 2004. 294 p.
110. Wacquant L. Participant Observation/Observant Participation // *Sociology: Introductory Readings*. Cambridge: Polity Press, 2010. P. 69–73.
111. Wacquant L. Towards a reflexive sociology: A workshop with Pierre Bourdieu // *Sociological theory*. 1989. V. 7. № 1. P. 26–63.
112. Wells M.J. *Strawberry fields: Politics, class, and work in California agriculture*. New York: Cornell University Press, 1996. 339 p.
113. Whitfield K., Strauss G. Methods matter: changes in industrial relations research and their implications // *British Journal of Industrial Relations*. 2000. V. 38. №. 1. P. 141–151.
114. *Writing culture: the poetics and politics of ethnography: a School of American Research advanced seminar*. / Clifford J., Marcus G. E. (eds.). Berkeley: University of California Press, 1986. 345 p.
115. Zickar M. J., Carter N. T. Reconnecting with the spirit of workplace ethnography: A historical review // *Organizational Research Methods*. 2010. V. 13. №. 2. P. 304–319.